

Положение дел в российской экономике и анализ ее развития показывают, что в последнее время буквально на глазах замедлился тот экономический рост, который наблюдался три прошлых года. «Регенерационный подъем» после почти десятилетнего полу катастрофического спада был обусловлен занятием российской продукцией тех «ниш сбыта», которые образовались в результате дохода от роста экспортных цен на нефть и девальвации доллара 1998 года. На сегодняшний день этот процесс себя исчерпал и движется по инерции. В ситуации общепризнанного спада мировой конъюнктуры мы будем обречены на сокращение темпов роста экономики, что уже просматривается в 2002 году – если не найдем внутренних источников развития, компенсирующих внешний спад.

Единственным выходом из создавшейся ситуации для обеспечения нормального и стабильного роста является качественная и органическая модернизация российской промышленности, *невозможная стихийно, без сознательного проведения определенной политики совместными усилиями государства и частного капитала, сложившегося за последнее десятилетие в России как экономическая сила и, по потенциалу как минимум не уступающая госсектору.*

Потребность в модернизации обуславливается в первую очередь тем, что значительное количество производителей российских товаров, которые сегодня находятся в нише «цена и качество» – неконкурентоспособны при повышении покупательной способности российского населения. В последнее время эта тенденция проявляется в виде роста импорта как из стран ближнего, так и дальнего зарубежья в соответствии с ростом уровня жизни населения.

Неспособность народного хозяйства СССР, успешно и выборочно производившего уникальную в мире космическую, военную и прочую технику, обеспечить собственный потребительский рынок конкурентоспособными товарами отечественного производства была одним из двух (наряду с перекрытием каналов «вертикальной мобильности» в эпоху «застоя») основных факторов, стремительно разрушивших «ту страну» - к полной неожиданности, как для абсолютного большинства ее населения, так и для всего мира. *Необходимо прямо признать, что по этому параметру состояние экономики «новой России» в новом тысячелетии технологически и ресурсно еще хуже, чем в начале цикла хозяйственных преобразований конца прошлого столетия.* Для того, чтобы произвести нормальную конкурентоспособную продукцию (имея в виду растущее старение парка оборудования российских промышленных предприятий), необходим выход на качественно новые технологии - именно эти условия и диктуют необходимость ускоренной модернизации российской промышленности.

Без этого невозможно обеспечить переход от 3-го и 4-го экономических укладов к 5-му и переход в постиндустриальное общество. В ситуации, когда нынешний мировой экономический кризис вызвал в целом ряде наиболее развитых стран проблему реиндустриализации, у технологической модернизации российской промышленности *как все еще основного уклада экономики страны появляются дополнительные шансы, – разумеется, при благоприятном международном климате для инвестиций.* Основными конкурентами нашей страны в этой «промышленной нише» международного разделения труда становятся (из крупных стран соответствующего уровня развития) Китай, Индия, Бразилия и Мексика.

Именно «наслоившиеся» проблемы преодоления сложившейся технологической индустриальной многоукладности, оказалась неразрешимыми для Советского Союза в 1985-1988 годы, вызвав необходимость в проведении реформирования государственно-экономической системы. Поскольку проведение реформирования конца XX столетия обернулось для страны распадом не только старой государственности, но и культурно - цивилизованным «надломом» (по степени «войны» ценностных ориентации разных слоев общества сопоставимым даже не с Расколом XVII века «внутри православия», а с «революцией сверху» Петра 1 и Великим Октябрем), то – вместо обещанного «процветания» - экономические преобразования для общества привели к многочисленным неприятным экономическим последствиям.

Выиграло от преобразований (судя по социологическим исследованиям начала нового века) менее 10% населения, еще около трети общества считает, что материальное

положение их семей за минувшее десятилетие скорее не ухудшилось или незначительно улучшилось.

Радикальное «реформирование» произошло за счет резкого падения производства и, соответственно, падения уровня жизни большинства населения: примерно 40% сегодня (по самооценке) живут хуже, чем в СССР, но пока терпеть можно, а за последнюю пару лет появились сдвиги к лучшему.

Катастрофическими материальными последствия «скачка в капитализм» оказались примерно для 20%, причем половина из них (десятая часть общества) впала в полную безнадежность и ни в какие «улучшения» для себя и детей больше не верят.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что архаизация сознания и бытия России в результате «отката» после неудачной модернизации не приняла крайних форм российского бунта – прежде всего потому, что традиционное общество было ликвидировано (в отличие от Средней Азии и большей части Кавказа) еще в советский период, а социалистическая «культурная революция» как форма модернизации себя исчерпала за 2 поколения.

Пример таких стран, как Пакистан, Иран, Ирак, Алжир, где невозможность для общества культурной перестройки и осуществлению на этой базе модернизации страны с резким повышением уровня жизни населения привело к тому, что они превратились в «страны-изгои» с тотальным диктатом со стороны целой философии исламского фундаментализма показывает, что в ходе распада СССР наша страна в процессе «реархаизации» пока не перешла опасной черты.

Сегодня основная масса городского российского общества «инкорпорировала» современные мировые цивилизованные ценности не в меньшей степени, чем госчиновники или предприниматели. Уровень советского (+ не до конца развалившегося в последующие 10 лет) образования и жизненный опыт основной массы российского населения, позволяет ему теперь ставить вопрос: что оно получит от новых реформ практически «здесь и сейчас». От все еще популярного Путина население хочет дальнейших «преобразований с участием народа и в интересах большинства народа», в соответствии с известной формулой Линкольна. В том случае, если нынешнее государство и тесно переплетенный с ним «большой бизнес» *попынутся возложить на общество тяготы очередных «переходных невзгод» в расчете «сойдет, как всегда – ибо сошло в прошлый раз», результат будет другим.*

В конце 80-х годов у десятков миллионов людей не было более чем жизненного десятилетнего опыта существования в ситуации, когда государство их «бросило выживать, как хотят» - включая миллионы людей с повседневным «опытом собственников». Разумеется, они по-прежнему в основной массе плохо доверяют друг другу, и предпочитают - в соответствии с историческими традициями веков - «убежать от государства», а не сплотиться и защищать свои интересы организованно «на местах проживания». Только бежать в начале XXI века основной массе грамотных недовольных больше некуда – они все еще составляют большинство населения по-прежнему индустриальной - городской страны, и пока новые «образовательные реформы» не понизили жизненные стандарты большинства молодежи окончательно, любым «реформаторам» придется с этим считаться...

«Продолжению модернизационных преобразований» действительно, нет альтернативы: большинство горожан России по-прежнему (начиная со времен «позднего Брежнева») – хочет жить «как в Европе», то есть в стабильном обществе массового потребления. Только теперь десятки миллионов «живьем» побывали в таком обществе (а миллионы даже в нем работали) – и ныне имеют о «Западе» и о России отнюдь не романтические, а весьма реалистические представления. Альтернатива в том – за чей счет проводить реформы. Если для большинства и в его интересах – диктатура обычно бывает не нужна; если для тех, кто опять «знает как надо» - она неизбежна, вопрос только в степени ее жесткости и длительности.

Впервые в истории России у либеральной бюрократии (если она искренне преследует заявленные цели!) есть массовая база для преобразований по всей стране, пока недовольная плохими - корыстными «прежними реформаторами», а не реформами как таковыми. Практически, именно осуществление модернизации промышленности, науки, обороны, образования и медицины в начале нового тысячелетия будет определять, превратится ли Россия в нормальный элемент системы цивилизованных стран – или в «заповедник» для страны-изгоя, от которой все в лучшем случае постараются отойти подальше.

В случае неудачи очередной попытки модернизации страны, вполне возможно распадение России в этой ситуации примерно на три страны: видимо, это будет европейская часть (не обязательно как единое целое), урало-сибирская, а дальневосточная часть превратится в «зону освоения» - в основном китайского. Попытка такими небольшими странами осуществить «следующую модернизацию со встраиванием в мировое сообщество» и будет расплатой за неудачу этой попытки модернизации, как неудача предыдущей привела к распаду СССР.

Условия для модернизации

Почему именно сейчас встал вопрос о возможности осуществления данной модернизации?

В первую очередь это определяется тем, что уже на протяжении последних трех лет Россия впервые может говорить о достижениях макроэкономической стабилизации. Мы имеем профицитный бюджет с 2000 года, формально мы имеем вполне допустимую инфляцию для осуществления инвестиционных проектов, мы имеем предсказуемый курс рубля к доллару, страна имеет вполне достаточные на сегодняшний день золотовалютные ресурсы для поддержания стабильности своей собственной валюты.

Во вторых, за эти последние три года произошло, пусть пока минимальное, изменение и укрепление вертикали власти с ее предсказуемостью и с ее направленностью в сторону продолжения либеральных реформ с «российской госспецификой», затрагивающих все основы жизни общества - включая правовую, судебную, реформы, реформу образования, реформу определенного разделения власти по вертикали, между федеральной, региональной и муниципальной. Направленность этих усилий резко повысила предсказуемость властей для внешнего мира и собственного населения создало довольно благоприятный климат для экономических преобразований в стране.

В определенной мере в отличие от периода 1992-98 гг., когда ситуация была в стране фактически пущена «на самотек» (при небывалой для истории России степени внешней открытости и иностранного вмешательства), минимальные преобразования Примакова - Путина по «нормализации» проводились «сверху». С 2000 г. можно говорить, что в России сложились условия для появления новой движущей силы, которая способна осуществить данные экономические преобразования – частного капитала, *существующего не просто «равноудалено от верховной власти», но и в основном автономно от государства.* На сегодняшний день частный капитал начинает медленно понимать и формулировать свои собственные приоритеты, само организовываться и уже обладает средствами и финансовыми ресурсами, вполне сопоставимыми с ресурсами государства.

Если посмотреть на итоги двух последних лет, то самые значительные средства в виде инвестиций вложены именно со стороны частного капитала (80% частного капитала), в это же время начались попытки строительства и создания «корпоративного государства». Другое дело, что инвестиции «только в себя» даже для крупных корпораций являются чисто вынужденными: корпоративная культура в стране пока такова, что если не владеешь контрольным пакетом предприятия, то любой «блокирующий» пакет не имеет значения. В ситуации подъема последефолтных лет на многих российских гигантов заработанные деньги «давят», их некуда надежно и прибыльно вложить, и бывшие «олигархи» ходят в итоге как «корова с переполненным выменем». Чтобы «вкладывать в будущее», нужны страховые гарантии; страхового рынка в России нет (капитал соответствующих структур ничтожен, а технологии работы «чисто конкретные»), поэтому минимальные гарантии неприкосновенности инвестиций русские фирмы получают, проведя капитал через офшор и сделав его «иностранном».

После дефолта-98 российское общество прошло определенную точку «перелома», бифуркации. Общественные организации не только остались живыми за последние 10 лет, но и активизировали в последнее время свою работу. Реформирование РСПП и Союза Российских городов, увеличение социальной активности правозащитных организаций, образование ряда самоорганизующихся бизнес-новых структур – ОПORA, «Деловая Россия», усиление роли конфедерации потребителей и с конца 2001 г. роли Торгово-промышленной палаты РФ, а так же территориально самостоятельных организаций (ТСО) яркие примеры реформирования общества.

Это показывает, что в России начинает образовываться определенный социальный консенсус значительной группы населения России, которая направлена на необходимость объединения усилий в целях экономического роста страны. «Полного консенсуса», разумеется, искать невозможно и ненужно: трагедией позднесоветской управленческой элиты стал именно рожденный децентрализованным «ужасом фракционности» поиск единогласного решения». В стабильной ситуации и в пределах малой группы (обком, коллегия министерства, заводууправление и т.п.) механизм бюрократических

согласований работал сравнительно эффективно: когда Горбачев вынес «поиск консенсуса» в публичное пространство, а СМИ начали «гласно» освещать ситуацию в стране, достижение согласований стало невозможным.

За последние 10 – 15 лет Россия, пусть даже не совсем в достроенном виде (в смысле отделения от государства на уровне сложившихся и воспроизводящихся общепризнанных обществом «правил игры»), получила формально нормальную рыночную экономику и нормальную рыночную инфраструктуру, относительно отвечающую мировым и европейским стандартам правовую систему, парламентаризм и т.п.

Однако в смысле реальных гарантий прав меньшинства дела обстоят практически по-прежнему.

Несмотря на то, что в России отсутствует пока еще целый сегмент, ключевой для нормальной работы рыночной инфраструктуры - биржевые и фондовые рынки, страховой бизнес - крайне слаб банковский сектор, а Россия чувствует на себе значительные ценовые диспропорции собственной экономики - особенно между агропромышленным комплексом и промышленностью, а также и между естественными монополиями и машиностроением - можно уже говорить, что рыночные «сигналы», пусть даже с определенными искажениями уже начинают нормально ориентировать Российскую экономику.

В России сложились и определенные социально-политические условия, которые можно охарактеризовать как достижение определенной органичной социальной стабильностью на базе определения и совпадения основных приоритетов практически всех слоев населения. В массовом сознании страны (да и во внутри элитном соотношении сил в Москве и регионах) с сентября 1998 года тоже произошли значительные изменения. Социокультурный раскол российского общества периода «радикальных реформ» начал преодолеваться еще до этого времени - однако только после дефолта 15-20% населения страны, в той или иной степени поверившее в «либеральный прорыв» и ускоренную успешную вестернизацию России, практически убедились в несостоятельности своих иллюзий. Экономическая регенерация (и последовавший в 2000-2001 гг. минимальный рост жизненного уровня), прекращение властно-собственнического «беспредела» в Кремле после ухода Ельцина и изгнания Березовского - Гусинского из страны, отказ от наиболее одиозных форм политики бессильного согласия «государства» с острым национальным унижением русских в России, СНГ и на мировой арене способствовали началу процесса общенациональной консолидации.

Социально-политическое состояние общества

Большинство социологических исследований показывает, что значительная часть населения России (кроме образовавшейся «субкультуры бедности» и регионов социального бедствия) ОТНОСИТЕЛЬНО удовлетворено своим нынешним положением и состоянием дел в своем ближайшем окружении. Впервые с 1986 г. (рубежами стали Чернобыль и «Адмирал «Нахимов») в последний год прекратилось нарастание и доминирование ощущения происходящей в стране апокалиптической катастрофы. Истерика вокруг взрыва на Пушкинской площади, пожара Останкина, катастрофы «Курска» были последними попытками ряда СМИ в середине 2000 г. осуществить широкомасштабную «торговлю страхом» и вновь дестабилизировать массовое сознание общества. Именно привычка СМИ «играть в дестабилизацию» и высокопрофессионально торговать страхом привели, однако, к тому, что *значительного экономического роста последних лет общество (и элиты в своем большинстве) фактически не заметили!* Точнее, он воспринимался как некая «передышка», после которой опять неизбежны «бедствия с последствиями» (см. судорожную «торговлю страхом»-2001 по поводу падения цен на нефть как начала коллапса бюджета РФ, нагнетание настроений «затяжной войны в Афганистане как неумолимой «исламской угрозы» для России, а не для США и т.п.).

В результате этого возникла довольно парадоксальная ситуация: свое собственное положение (с семьей и другими близкими людьми), своего предприятия или иного

«жизненного промысла», города-района, региона население в целом оценивает как «удовлетворительное» (а то и просто хорошее!): если же речь идет о стране и ее перспективах, – то оценки весьма пессимистические. Более того, сторонники либеральных ценностей и «вхождения в мировое сообщество» в массе (среди них преобладала интеллигенция столиц и городов - миллионщиков) осознали на собственном горьком опыте последних лет, что Запад по-прежнему даже к «реформированной России» относится как к чуждой и потенциально враждебной цивилизации.

Нервное и неустойчивое состояние сознания общества вызвано тем, что по-прежнему нет ситуации устойчивого и органического экономического роста ни в одном из регионов страны (даже в нефтяном ХМАО или Москве – лидеров по жизненному уровню и бюджетным показателям), отсутствуют приемлемые для большинства населения «культурные образцы». Власть и рада была бы пропагандировать некие позитивные образцы социального поведения для молодежи – однако пока получают пародии вроде «Идущих вместе». Упорно предлагая обществу «закон и порядок», Путин в начале третьего года своего пребывания у власти был вынужден на совещании с работниками прокуратуры с горечью признать, что МВД народ и предприниматели не доверяют, а потому «с преступностью ничего к лучшему не меняется»: большая часть экономики по-прежнему контролируется криминалом, как меньшим злом по сравнению с властью. На фоне относительной социальной стабилизации и экономического роста главу государства в 2002 году обеспокоили массовая беспризорность детей, нездоровье населения, ситуация со спортом – *то есть фактическое продолжение начавшейся при «реформах» депопуляции населения.*

Стратегически особенно опасной для судеб страны является расплывающаяся за последние 10 лет как раковая опухоль отсутствовавшая в СССР в 1991 году «субкультура бедности»: ориентировочно она охватывает 10-15% населения страны, еще примерно столько же (в зависимости от региона) находится на грани «ситуации выживания». Такова оказалась «цена реформ», страна стремительно проедает не только запас технологической прочности, но и в образовании, науке, медицине, армии пока не удается держать ситуацию даже в рамках «простого воспроизводства» старых советских заделов. Судя по социологическим исследованиям, в «предпринимателей как локомотивов реформ» большинство населения больше не верит: по мнению большинства, они не только стали богатыми несправедливыми путями, но и не несут никакой социальной ответственности, – а теперь пытаются всеми правдами и неправдами сохранить свое привилегированное положение без всякой пользы для общества.

«Отсутствие условий для мобильности», «нет жизненной перспективы» - этим активно недовольны особенно такие ПРЯМЫЕ ПРОДУКТЫ РЕФОРМ как образованная молодежь до 30 лет и малый бизнес средних лет, прокрутившийся «при рынке» реально 10-15 лет. *потенциально только они готовы к каким-то активным действиям.* Кадры «активистов эпохи большого политвзрыва» 1987-1993 годов в стране сохранились, однако они устали и разочарованы – вне зависимости от того, сделали ли они карьеру или нет.

Проголосовавшие некогда за Путина, эти активные люди молодых и средних лет сегодня не видят на политическом рынке выразителей своих интересов – а сами политикой заниматься в массе не хотят, не видя от нее практического проката.

Союз Правых Сил, пытавшийся заигрывать с молодежью и бизнесом после «дефолта», *благодаря наличию «знаковых» Гайдара-Чубайса слишком связан со старой, обанкротившейся «ельцинской политикой».* Лишившиеся прямой опоры на московские медиаимперии в ситуации, когда больше стало невозможно в прежних формах торговать «страхом перед коммунизмом» на уровне нагнетания массовой истерии, «новые правые» – *особенно в ситуации возможного ухудшения экономической конъюнктуры - имеют реальную перспективу опять не попасть в Думу, как и в 1995 году. Если явка в Москве и Питере будет как на городских думских выборах-2001, этот провал практически неизбежен* - тем более, что Путин от союзников в лице «правых» тщательно дистанцируется.

Недовольная же либеральная интеллигенция по-прежнему будет голосовать за **«Яблоко» или Явлинского** – больше не веря в него как в носителя некой реальной позитивной программы, а просто по инерции; если он лично получит столько же, сколько на президентских выборах-2000, то в Думу не попасть может и «Яблоко». В любом случае, обе эти силы (как и Жириновский) на думских выборах будут решать проблемы

группового выживания и политического само воспроизводства - даже отдаленно не способных к «выдаче за общенациональные интересы» своих целей.

Не похоже пока и на то, чтобы «Единое Отечество» суммарно получило даже те 20 млн. голосов, которые были отданы за блоки по отдельности в 1999 году. Успех «Единства» тогда был персональным вотумом доверия Путину, идущему в президенты; да и рейтинг Лужкова - Примакова - выступавших в роли «умеренной оппозиции Ельцину» - был не чета их нынешнему уровню поддержки. Путин вряд ли больше (чем Ельцин-95 Черномырдину и Рыбкину) - будет помогать «Единому Отечеству». В обоих случаях общенациональный лидер вовсе не намерен связывать себя с политическими и бюрократическими структурами. Даже если президентский рейтинг будет по-прежнему высок (а в условиях ухудшения экономической конъюнктуры это вовсе не очевидно!), за «плохих бояр» в России не голосуют никогда - даже при популярном «царе».

За вычетом КПРФ, всякая левая оппозиция в стране окончательно вымерла: в 1995 г. остальные лево - патриотические списки будущего НПСР собрали еще почти 10 млн. голосов (при 15 млн. за Зюганова), а в 1999 году - менее 3 млн. Таким образом, даже при ведении абсолютно стандартной и традиционно-вялой кампании КПРФ по-прежнему гарантировано по минимуму 20 млн. избирателей с небольшим (уровень его поддержки первого тура президентских выборов-96 и президентских выборов-2000 в основном сохранился): голосовать будут не за некий позитив, а против нынешней власти - раз больше не за кого, а привычка ходить на выборы осталась. В случае же ухудшения экономического положения в России (в ближайшую пару лет вполне вероятного), судя по опыту ранее «прореформаторских» Нижегородской и Иркутской областей на губернаторских выборах лета 2001 г., вполне возможно протестное голосование за КПРФ и тех социальных слоев большого города, которые за предыдущие 10 лет КПРФ не поддерживали в принципе. Поэтому в 40% за список КПРФ (при явке около 60 млн.) ничего невозможного в 2003 году нет. Для Запада подобный итог «путинских реформ» был бы полным конфузом...

Протестные голоса могут забрать у лево - традиционалистов только **«новые националисты»**. Жириновский окончательно интегрировался в истеблишмент, а в условиях атомизации общества способность аккумулировать протестный потенциал есть только у национал - радикалов. Большинство населения даже сытой Москвы (судя по опросам) молодых погромщиков «исламских торгашей» в Царицыно и на Каховской не только не осудило, но отнеслось к ним с полным пониманием. Другое дело, что изолированный от телевизора и возможностей общенациональной пропаганды, так настроенный слой (активно недовольные бесперспективностью своей жизни люди молодых и средних лет) сегодня не видят на политическом рынке среди разномастных национал - радикалов выразителей своих интересов - а сами политикой заниматься в массе не хотят, не ждя от нее практического прока. Попробует ли некая группировка «партии власти» авторитарно-генеральского толка «поиграть» с национал - радикальным проектом - сегодня не ясно, полгода на перерегистрацию у всяких «русских партий» и «спасов» еще есть; вполне очевидно, что без некоего крупного централизованного источника финансирования и властной «крыши» нынешние радикалы законодательного барьера не преодолеют. Впрочем, для действительно радикального и протестного национализма характерно отношение к выборам как к «жидовской выдумке: они - за «прямое действие» и готовятся к выходу негодующих толп на улицы...

Безотносительно к замедлению темпов роста в России начало 2002 года показало полную управленческую несостоятельность путинской бюрократии. При начале определенной стагнации по инерции Правительство поверило в «рост» при составлении и распределении бюджета - и перекроило схему платежей бюджетникам с выделением большей доли платежей из местных бюджетов при одновременном сокращении региональных бюджетов. На этом фоне - новгодний подарок в виде повышения цен на лекарства, требования естественных монополистов о резком повышении тарифов, а в ответ непоследовательная попытка Путина бороться с естественными монополиями расшатывает бюджетную систему. В общем, возникла просто идеальная ситуация для дефицита бюджета к середине года (даже безотносительно к внешнеторговой конъюнктуре, хотя от цены на нефть зависит только 12% консолидированного бюджета). В итоге не только повышенную, а даже обычную зарплату бюджетникам опять не платят уже в 16 областях в течении нескольких месяцев. Причем в ряде областей и в Москве, увеличили номинальную зарплату, сократили выплаты и компенсации, в результате чего общая зарплата осталась на том же уровне или даже сократилась.

В начале года произошел определенный спад в черной и цветной металлургии, машиностроении (рост наблюдается в легкой и пищевой промышленности), что вызвало затоваривание углем в ситуации сравнительно теплой зимы (Чубайс в этот раз хорошо подготовился к заморозкам). Сильно драматизировать ситуацию не стоит, однако «путинский рейтинг» столкнулся с первым серьезным кризисом, вполне способным вызвать замену правительства уже весной...

Задачи и проблемы модернизации

Изменение мировой системы взаимоотношений после 11 сентября 2001 года предполагает вести отсчет новой эпохи не с 1 января, а именно с этой даты. Изменения мировой системы открывают для России новые возможности. В современном мире Россия уже не воспринимается всерьез как «империя зла», как основной источник конфликтов, и

не воспринимается как страна - центр сопротивления и противостояния «глобализации» (хотя в США могут реанимировать этот миф в любой ситуационно выгодный момент). В мировом сообществе возникают совершенно другие угрозы и совершенно новые действующие лица, которые могут представлять угрозу дальнейшему развитию как для локальных цивилизаций, так и мировой цивилизации в целом. На этом фоне взаимоотношения Российской локальной цивилизации с локальными цивилизациями Америки и Европы становятся более органичными, с более понимаемыми проблемами и интересами. События, которые отменили идею многополюсного мира и показавшие, что вся мировая цивилизация живет на одной шахматной доске «по Бжезинскому», показывают совместимость интересов и отсутствие идеологических противостояний между западом и востоком, если под «востоком» понимать Российскую цивилизацию. Все эти условия дают реальную возможность реализовать идею модернизации по отношению к российской экономике. Однако, не надо думать что эти условия создают все предпосылки для безболезненного осуществления данного процесса.

Если рассматривать структуру Российской экономики, то мы приходим к неутешительному для нас выводу, что слабое платежеспособное состояние Российского населения, которое даже не вышла по уровню жизни на уровень 1990 года, (не говоря уж о чудовищной дифференциации уровней жизни, небывалой в истории страны по глубине и массовости) - не дает возможности рассматривать население России как реальную экономическую единицу, способную организовать спрос на изделия пятого технологического уклада и на наукоемкую продукцию. Например, процент компьютеризации России или процент людей, имеющих доступ к интернету и умеющих работать с ним, будет выше, чем в Индии, но если мы поймем, что население Индии составляет более миллиарда человек, что в десять раз больше, чем в России, то емкость рынка Индии во много раз превышает российский. Впрочем, в отличие от России, в Индии социокультурный раскол общества таков, что примерно 200 млн. из миллиарда живет как в южной Европе, а более двух третей – в условиях до индустриального общества, причем разрыв не сужается, а в последние годы растет.

Возможность сбыта наукоемкой продукции также ограничивается тем, что многие отрасли и системы потребления организуются и контролируются государством, а не частным сектором. Имеется в виду система обороны России - для этого достаточно рассмотреть средства отпускаемые в бюджете на модернизацию военной техники и сравнить со стоимостью той или иной техники, выпускаемой сегодня, и можно будет понять насколько минимален спрос со стороны государства в этом секторе.

В значительной мере, государство отстраняется от своей собственности и ответственности в сфере образования, когда образование может стать именно той сферой, которая определяет спрос на продукцию наукоемких технологий (тренажеры, программные системы обучения, компьютерные системы образования, дистанционное образование и т.д.).

Следующий момент, определяющий спрос – медицина: это новые системы для исследования заболеваний, диагностики и лечения, определенная аппаратура для проведения операций. Так, на сегодняшний день, у частных клиник (кроме зубоврачебных) практически отсутствует даже оборудование для нормального «мирового класса» лечения – не говоря уж о ценах.. А то, что имеется на государственном обеспечении, находится в состоянии «постсоветского развала» и для «казенной медицины» приобретение новой медтехники следующего поколения не является возможным из – за своего финансового положения.

Значительным потребителем новых технологий является наука, но сегодня зная о ее бедственном положении, возможности науки быть именно той структурой, которая может вызвать спрос на продукцию новой технологии вызывают большие сомнения.

Ориентирование промышленности на экспортный спрос из-за зарубежной конкуренции связано со значительными трудностями даже в военно-техническом сотрудничестве и невозможно без поддержки, либо прямого вмешательства государства. Эти ограничения являются одними из основных и будут в значительной мере влиять на

ход модернизации. Именно в этих областях необходима продуманная государственная политика.

Вторым «ограничением роста» можно назвать неразвитость и слабость среднего класса - не в понимании как уровня жизни среднего класса при уровне всеобщей бедности, а среднего класса как социально и экономически активного слоя, который мог бы, с одной стороны, предъявлять (через пенсионные, страховые и банковские структуры) накопления к инвестициям, а с другой стороны - являлся бы потребителем продукции более высокого класса и качества. С третьей стороны, нормальный «средний класс» - это именно тот класс, который мог бы обеспечить в этой ситуации довольно значительную социально-политическую стабильность.

При наличии у частных вкладчиков и предприятий накоплений, а уровень накоплений (как показывает опыт прошлого года в России) начинает становиться довольно высоким, механизмы нормального «перелива» частных накоплений в инвестиции на сегодняшний день практически отсутствуют. Это определяется слабостью банковской и страховой системы, неразвитостью нашего законодательства, в том числе и защиты вкладов, это государственная монополия на отдельные виды страхования, включая медицинское, это отсутствие емкого фондового рынка, через который данные средства накопления могли бы перераспределяться в виде инвестиций. Рынок инвестиций не защищен ни законодательно, ни с точки зрения уважения бизнеса к корпоративному управлению, что давит психологически.

Следующим значительным «ограничением роста» является двойственность позиции России в отношениях со странами СНГ, что тоже влияет на бюджет и возможность инвестирования. На сегодняшний день вызывает сомнение та политика, которую проводят по отношению к России страны СНГ. С одной стороны страны СНГ пытаются добиваться от России равных партнерских взаимоотношений и уважения себя как равных партнеров с одновременной артикуляцией необходимости поведения России по отношению к ним, как «старшего брата». Очень показательны переговоры с Украиной, с Белоруссией, и даже с Польшей, где каждая из этих стран - пропагандируя взаимоотношения между нашими странами как отношения равных партнеров - требовала от России односторонних налоговых, таможенных и инвестиционных уступок. Причем в зависимости от той или иной политической ситуации, как внутри страны так и мировой, данные страны постоянно начинают переходить либо в положение равноправных партнеров, либо требовать от России «поведения старшего брата». Все это значительно сказывается на внешнеэкономической политике России и в окончательном итоге это отражается на состоянии ее бюджета, имея в виду задолженности стран России по поставкам энергоносителей и по другим параметрам.

Если перевести эти ограничения в нормальные экономические цифры, то можно сказать, что потребность России в инвестициях сегодня составляет 100 млрд. долларов в год, где самостоятельно, при принятии определенных мер для активизации средств накопленных населением и бизнесом, Россия может мобилизовать в год от 40 до 50 млрд. долларов в год. По прогнозам, порядка 10 – 12 млрд. долларов России могут дать иностранные инвестиции. Дефицит для России на сегодня составляют примерно 40 – 50 млрд. долларов, которые необходимы для того, чтобы процесс модернизации набрал необходимые темпы и обеспечил стабильный рост экономики России.

Некоторые задачи

Имеются несколько ключевых моментов, по которым Правительству и частному бизнесу придется принимать компромиссные решения.

Первое – вопрос промышленной политики, которая в первую очередь будет определять дальнейшее развитие России. Великий риск – это сделать ставки не на те отрасли промышленности. Хотя, по анализу мировых рынков можно предположить какие отраслевые ниши производства уже заняты, причем это не означает, что разговор должен идти в рамках отраслей и подотраслей, разговор может идти только об отдельных

прорывных технологиях, либо комплексах технологий, которыми обладает Россия. Необходимость проведения промышленной политики государством определяется тем, что как мы показали выше, именно государство на сегодняшний день является основным потребителем наукоемких технологий и техники, либо участником по продвижению российской научной продукции на западные и восточные рынки, либо собственником наукоемкого производства. Домыслы о том, что те или иные вопросы по определению «точек роста» лежат вне сферы интересов государства является большой ошибкой.

С другой стороны, сегодняшнее разделение труда в мире происходит на достаточно высоком уровне и попытка восстановить все наукоемкие технологии, по такому же типу как это было при Советском Союзе, на сегодняшний день для России вариант финансово совершенно не подъемный. США на сегодняшний день прекратили выпуск и разработку ауди-, видео- и другой наукоемкой бытовой техники. Англия полностью отказалась, за исключением кебов и омнибусов, от выпуска собственных автомобилей, продав последнюю автокомпанию. Практически, Германия не занимается созданием системы атомной энергетики. Япония не занимается ракетно-космической техникой и крупным авиастроительством. Это показывает, что возможность продвижения и сосредоточения определенных технологий и поддержка их научного развития обходится очень дорого и не под силу в мировом масштабе ни одному государству в отдельности. Поэтому для России придется определиться с теми технологиями и разработками, которые она сегодня может поддерживать и может развивать в дальнейшем, имея в виду наличие оборудования, кадров и тех заделов, которые могут быть реализованы.

Весьма сомнительными являются попытки возродить производство отечественных телевизоров: в лучшем случае это будет сборка из «желтых деталей», весьма сомнительна возможность российского автомобилестроения занять подобающее мировое место, без определенной помощи и перенимания технологий с запада и востока.

Следующая проблема – это своеобразность сегодняшнего перетока капитала в развитие нашей промышленности. Постепенно крупные торговые фирмы, крупные производственные предприятия, либо финансовые структуры начинают организовывать сначала вертикальные и горизонтальные холдинги, после чего эти же холдинги начинают превращаться в чеболи корейского образца. Т.е. переход из накоплений в инвестиции в другие отрасли промышленности происходит в незначительных количествах и не через банковскую или фондовую сферу, а путем приобретения контрольных пакетов акций и включения в управляющую систему предприятий других отраслей. Так, позапрошлый год был ознаменован включением в систему сырьевых предприятий структур второго и третьего передела объектов машиностроения. В этом году наметились тенденции, когда капиталы крупных олигархических структур начинают работать в агропромышленном комплексе, создавая там высококомобильные вертикальные структуры. Такой путь развития для России трудно считать наиболее прогрессивным, практически это корейский путь развития со всеми плюсами и минусами, и в первую очередь тем, что данная структура так же, как и в Корее, в силу низкой покупательской способности населения ориентированна в основном на экспорт продукции. При слабости банковского сектора и при отсутствии определенных структур, которые могут не только аккумулировать эти деньги, но и реализовывать в инвестиционные проекты, видимо именно этот путь для России будет основным в ближайшее время для инвестирования, а так же перетока кадров, имеющих рыночную ориентацию и опыт работы в рыночной экономике. Пока для России другого пути не просматривается. Причем создание подобных структур в значительной мере активизировалось в пищевой, легкой промышленности и в агрокомплексе.

Следующая позиция – тарифы на товары и услуги естественных монополистов. Необходимо сразу отметить, что в силу климатических и географических условий достижение тарифов на товары и услуги естественных монополий мирового уровня приведет к неконкурентоспособности ВСЮ продукцию российской промышленности. И именно эту позицию необходимо отстаивать на переговорах по вступлению в ВТО.

Само же увеличение тарифов может иметь три составляющие. Увеличение тарифов – это всегда увеличение одного из трех компонентов. Это либо увеличение рентных платежей, которые поступают в бюджет государства и далее распределяются через его структуры, либо за счет низких тарифов идет перераспределение прибыли в энергопотребляющие отрасли, либо полученная прибыль превращается в инвестиционные средства самих естественных монополистов. В этой ситуации главным вопросом является направленность прибыли в те или иные сегменты российской экономики и способы их распределения.

Так же это проблема прозрачности затрат естественных монополистов и реального механизма контроля за инвестированием получаемых средств и их рациональным использованием.

Весьма показательны попытки МПС провести в начале этого года более высокий тариф, который направлялся бы на инвестирование очередных «проектов века» со сроками окупаемости в 10-12 лет,, а также инвестирование именно в те сегменты МПС которые вполне могут быть приватизированы в ближайшее время (Транстелеком, а так же банковские структуры, связанные с МПС). Причем для этого использовалась не прибыль МПС, а увеличение амортизационных отчислений, т.е. увеличение затратной части.

Эта проблема не может быть решена без поиска определенного компромисса с внятной артикуляцией, куда дополнительные деньги мы хотим направить.

Из-за системы перекрестного субсидирования сегодня эти средства в значительном размере перераспределены в пользу социального сектора, как льготы для населения по оплате расходов ЖКХ, которые расходуются довольно бесконтрольно на региональном и муниципальном уровнях, а так же как средства для поддержания прибыльности агропромышленного комплекса и экспортно-ориентированных сырьевых отраслей. Необходимо перейти к поиску компромиссного решения, либо это отказ от перекрестного субсидирования с одновременным повышением заработной платы всего населения, в том числе и повышение пенсий до уровня возможности сто процентной оплаты коммунальных услуг (а так же и по отношению к сельскому хозяйству), либо выделение совершенно определенных бюджетных средств которые будут направляться на поддержание социально значимых производств или адресные социальные льготы отдельным категориям населения. Если мы сдерживаем тарифы, то появляется прибыль у экспортно-ориентированных организаций и в этом варианте бюджет получает дополнительную прибыль. Если тарифы растут, то чаще всего прибыль (как показывают расчеты МПС) не увеличивается, а увеличивается их затратная часть – зарплата персонала, производственные затраты, амортизационные отчисления. В этом случае происходит потеря бюджетом определенного размера налога на прибыль.

Соотношение уровня развития среднего и малого бизнеса, а также структур крупного олигархического бизнеса – это следующий вопрос. Зависимость бюджета всех уровней от отдельных экспортно-ориентированных предприятий вызывают нестабильное положение и угрозу нестабильности экономики всей страны в целом. Так бюджетные кризисы 1986, 1997 годов и сокращение доходной части бюджета в этом году определяются мировыми тенденциями падения цен на нефть и на сырье. Такая зависимость бюджета России от этих предприятий, которые по сути образуют на сегодняшний день олигархическую структуру России является довольно ущербной. Именно средний и малый бизнес чаще всего создают стабильность в стране и создают налоговые потоки в гораздо меньшей степени зависимые от состояния и уровня всей мировой экономики. Средним и малым предприятиям гораздо проще приспособиться к изменению конъюнктуры, но крупные национальные компании и транснациональные компании путем создания огромных финансовых ресурсов дают возможность обеспечения долговременного стратегического маневра, весьма важного в проведении модернизации.

На сегодняшний день понимание того, что все таки значительной движущей силой которая обеспечивает стабильность развития страны является средний, малый бизнес президентом Путиным, видимо, достигнуто. Поэтому надо ожидать

определенных ограничений для работы крупного бизнеса и либерализации условий работы для среднего и малого бизнеса. Необходимость такого поворота на сегодняшний день очень ярко демонстрирует Курганская область, Красноярский край, когда изменения мировой конъюнктуры и резкое падение как спроса, так и цен на импортную продукцию привело к тому, что бюджеты данных регионов начинают сжиматься на пятьдесят и более процентов. Это показывает ошибочность взятия курса руководителями этих регионов на необходимость контролирования финансовых потоков и попытку управления и регулирования работы бюджетообразующих предприятий в своем регионе, вместо приложения максимальных усилий для обеспечения стабильного развития среднего и малого бизнеса. Большое значение будет иметь то, чтобы интересы этих разных областей бизнеса не превратились в определенное противостояние и зону постоянных конфликтов.

Большое значение приобретает дальнейшая валютная политика, включая проблему выплаты долгов России. Практически ЦБ России продолжает удерживать завышенный курс доллара, накрывая всю экономику России как бы гигантским зонтиком. Однако необходимость укрепления курса рубля все больше ставится на повестку дня. Надо понимать, что за резким укреплением рубля последует приостановление экономического роста, падение обрабатывающей и укрепление экспортно-сырьевой промышленности, постоянная поддержка курса со стороны ЦБ. Пока сколько-ни будь реальной и предсказуемой политики ни ЦБ, ни Правительство не заявляли.

Так же определенной проблемой станет проблема обеспечения модернизации необходимыми кадровыми ресурсами. Первые проблемы с кадрами возникнут в ряде областей и республик уже в 2005 году. Демографическая ситуация в стране и депопуляция населения ставит под вопрос возможность реализации многих глобальных проектов. Без миграции в целях увеличения численности населения Россия не обойдется, поэтому новый закон о гражданстве только затруднит необходимые и управляемые миграционные потоки. Практические расчеты показывают, что в такой стране как Россия население должно составлять около 500 млн. человек. Если движение в сторону увеличения населения не произойдет, то мы будем просто не в состоянии обустроить и удержать свою территорию.

Структура и система образования в России так же нуждается в реформировании. Резкое увеличение количества людей, получающих высшее образование, избыточность которых для экономики России совершенно понятна, превращает Россию в источник бесплатной поставки высококвалифицированной рабочей силы для развитых стран. По ряду специальностей миграция выпускников отдельных ВУЗов составляет до 80% . В тоже время уровень образования, особенно в области модных специальностей провинциальных ВУЗов не выдерживает никакой критики. Одновременно начинает ощущаться нехватка подготовленной рабочей силы в ряде областей. Решение данной проблемы не может уже откладываться бесконечно, понимая, что это тоже расплата за глобализацию.

Особое значение приобретает реформирование государственных структур и государственной службы. Парадоксально, но факт, что эта наиболее важная для России реформа разрабатывается практически в узком кругу, без участия корпоративных общественных организаций. Пока же вместо реформирования мы наблюдаем попытки спасти действующую систему государственных структур, многие из которых полностью разложились и не могут осуществлять государственные функции.

В России происходит дальнейшее расслоение регионов. Можно говорить, что наступила определенная конкуренция между ними за инвестиции и финансовые потоки. Ряд областей превратились, по сути в зоны оккупации со стороны соседних регионов или в зоны – изгои. Их отличительная черта – отсутствие ярко выраженных бюджетообразующих предприятий при общей значительной дотационности. Существование подобных регионов может поставить вопрос о введении по отношению к ним внешнего финансового управления со стороны Правительства.

* * *

Выводом может быть только то, что Россия еще раз вступает в полосу модернизации. Насколько сегодня она будет успешной – определит и ее дальнейшую судьбу. Надо отдать должное с одной стороны в России за последние десять лет образовались необходимые, но недостаточные для этого условия. С другой стороны необходимые для модернизации ресурсы России значительно уменьшились по сравнению с 1985 годом.

Поэтому именно вопросы обеспечения модернизации, а не эфемерных инвестиций должны лежать в основе действий Правительства и общества. Все предложения и решения как со стороны Правительства, так и бизнеса должны оцениваться с точки зрения стратегических задач, а не сиюминутных тактических выигрышей.

Свой шанс модернизации страны мы проели в 60-70 годах на нефтедолларах – расплатой стал кризис советской экономики, упустили в 1985-1991 годах, потопив в дебатах о сроках и методах реформирования – в результате чего получили распад СССР. Значительный спад производства и уровня жизни населения, результатом неудачной модернизации сегодня – станет второсортная страна (Мы уже признаем, что неплохо жить на уровне Бразилии), а возможно и несколько стран имеющих в своем названии сочетание «Российская».